

ЖАЛУЮТСЯ ЛИ ДИССИДЕНТЫ?

/Открытое письмо в редакцию "Немецкой волны"/

"Виктор Некипелов жалуется на нарушение прав человека в своей стране", - так прокомментировала радиостанция "Немецкая волна" мое обращение "Репрессии против рабочих в СССР", переданное ею 4-6 апреля 1979 г.

Вот как? Жалуются? Какое милое, мягкое, какое, я бы сказал, сахарное слово. Слово-книксен, слово-леденец. Его обидели, и он - жалуется. У нас еще говорят - "плачется в жилетку..."

Нет, я не против этого слова вообще, в его камерном, школьном звучании. Но категорически против его приложения к произволу, бесправию, к мерзости и преступлениям ГУЛАГа.

Жаловаться можно на то, что к завтраку не дали слобную булочку и плохо подогрели кофе, это, кажется, в тюрьмах ФРГ? Но как жаловаться вот на такое:

"...всю камеру собрали с вещами, завели в отстойник, а потом дергали по одному и избивали в соседней камере /за дверью/ дубинками и кулаками, потом пинками загоняли в следующий отстойник. Били всех подряд, пожилых и больных в том числе. Меня немного спасли 2 рубашки и душегрейка, видимых повреждений нет, а у ребят исполосованы спины. В избииении принимали участие сразу несколько надзирателей во главе с капитаном, зам.начальника тюрьмы по оперчасти. Орудовал дубинкой и один медик..."

"Видимых повреждений нет". Это март 1979 года, тюрьма в Ростове-на-Дону, это произошло с Эдуардом Кулешовым, одним из тех троих рабочих, об аресте которых я и сообщал в своем обращении в "Немецкую волну".

То, что имеет место в нашей стране, мягко говоря, не совсем укладывается в широко употребляемую /подчас и нами/ формулу "нарушение прав", часто даже она кажется для творимого произвола и бесправия бархатным футляром. Какое тут "нарушение", когда их просто нет, этих *Human Rights*, в нашей стране!

"Жалуются..." Грустно, но передача "Немецкой волны" напомнила мне язык советской "жалобной канцелярии". Ведь именно так говорят советские прокуроры, читая наши заявления и протесты, - сколько их выплескивается ежедневно из недр Перми, Мордовии, Владимирской тюрьмы. Сколько я сам написал их в свое время, скрючившись на скрипучей своей койке в лагерном бараке, - этих отчаянных и безнадежных бумаг.

"Протестую против пропажи моих писем..."

"Требую возвращения изъятых у меня записей и дневников!..."

"Протестую по поводу избииения заключенного в соседней камере!..."

Требую, протестую! А оттуда: "В ответ на вашу жалобу..." Заявляю, настаиваю! А они: "Рассмотрев заявление, в котором вы жалуетесь..."

Окститесь, лукавогубые! Жаловаться - кому? Старшему разбойнику - на младшего?

Нет. Наши заявления и протесты, наши обращения к мировой общественности - никогда не были жалобами, и тот, кто воспринимает их так, просто не понимает ни всей глубины бесправия в нашей стране, ни нашей, диссидентской, сути.

Мы - заявляем. Предаем огласке. Ставим в известность. Предостерегаем. Возмущаемся. Протестуем. Обличаем. Мы - обвиняем! Но мы не жалуемся. Не роищем. Не сетуем на судьбу. И не как

"жалобники" идем мы к Западу, когда идем к нему. Поэтому нас не нужно жалеть. Нас нужно только понять. И если это удастся - прикоснуться Духом.

Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Разумеется, мне хотелось бы, чтобы радиостанция "Немецкая волна" не только приняла к сведению, но и довела до своих слушателей это небольшое исследование из области практической стилистики русского языка.

Можно даже под заголовком: "Виктор Некипелов ж а л у е т с я на "Немецкую волну".

Виктор Некипелов.

25 апреля 1979 г.

Пост скриптум: Статья уже была написана, когда я вдруг снова услышал это слово в передаче "Немецкой волны". Причем на этот раз речь шла о вашем соотечественнике. "Профессор Роберт Хавеман ж а л у е т с я на жизнь в заключении..."

Да нет же, дорогие друзья! Зачем же так банально! Хотя я совершенно не знаком с этим человеком, я могу с уверенностью утверждать: профессор Хавеман, этот мужественный диссидент из ГДР, вот уже 2 года живущий под домашним арестом в своем доме на окраине Берлина, не жалуется на судьбу.

